

ФЕДОР
ТОРНАУ

ВОСПОМИНАНИЯ
О КАМПАНИИ
1829 ГОДА
В ЕВРОПЕЙСКОЙ
ТУРЦИИ

RUGRAM

Москва
2025

УДК 355/359
ББК 68.4
Т60

Торнау Ф.Ф.

Т60 Воспоминания о кампании 1829 года в Европейской Турции. —
М. : RUGRAM, 2025. — 192 с.

ISBN 978-5-517-13478-3

«Пораженные как громом, турки бросились к лошадям, не думал о защите, и стали уходить во все стороны. Наши колонны порвались через ров в середину этой шальной, беспорядком кипевшей толпы, устилая поле трупами противников».

«Турки, которым не удавалось открыть себе дороги к спасению, предпочитали умирать под пылающими развалинами деревни, отказываясь от предложенной им пощады; в глазах наших изумленных солдат они сгорали, накрыв головы своими красными плащами».

«Седобородый турок огромной величины занес на меня саблю, крикнув: „А гяур, кюпек, москов гяур!“ Я сделал саблей парад для защиты головы. Но прежде чем его клинок упал на мою саблю, которая едва ли бы уберегла меня от его исполинской силы, один из моих ассистентов, юнкер Горский, штыком ударил в грудь разъяренного турка, успевшего, падая, выхватить из-за пояса пистолет и раздробить Горскому колена».

УДК 355/359
ББК 68.4
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-13478-3

© RUGRAM, оформление, 2025
© Т8 Издательские технологии,
оформление, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

I	5
II.....	26
III.....	52
IV	88
V.....	111
VI	135
VII.....	171

Рано я начал военную службу, которой отдал всю жизнь, за исключением нескольких лет, проведенных в отставке, за сохой. Первый шаг я сделал, поступив в ряды батальонов, преодолевавших в то время на берегах Дуная лихорадки, чуму и тюрков. Это было в тысяча восемьсот двадцать девятом году. С первым офицерским чином я соединял не более восемнадцати лет; значит, находился в счастливом положении человека, перед которым только начинает раскрываться будущность, полная надежд и ожиданий, чарующих молодость. Много времени прошло с тех пор; много опыта я нажил. Судьба переносила меня из конца в конец России, помещая в разных частях огромной русской армии, на моих глазах боровшейся в Турции, в Польше и на Кавказе, сближала с лицами, которых имена должны получить историческое значение, и не раз делала свидетелем фактов, заслуживающих уцелеть от забвения. Случаи моей собственной жизни не всегда оставались в пределах вседневного быта. С помощью некоторых пометок, сохранившихся от беспорядка походной жизни, бывшей так долго моим уделом, принимаюсь вспоминать о былом времени и о бывших тех людях, о минувших порядках и понятиях, существовавших в военном кругу. Да простят мне живые, если я впаду в невольную ошибку, желая вымолвить правдивое слово об их делах. Пишу, как умею, о том, что случалось со мной и что

я видел в продолжение моих странствований под звук русского барабана, рассчитывая на снисходительность случайного читателя к литературным недостаткам моего незатейливого рассказа.

Чтобы не затягивать дела, начну с моего отъезда из Петербурга в действующую армию, куда я оправился с богатым запасом молодости и надежд, но с довольно тощим кошельком, подобно многим офицерам моих лет. Не без труда добрался я до Главной квартиры армии, находившейся в Яссах. Покинув Петербург в жестокий холод в начале февраля, я проехал до Тульчина без остановки с адъютантом моего родственника-генерала, занимавшего место начальника штаба гвардейского корпуса. Курьерская подорожная, адъютантский мундир и имя генерала, при котором служил мой дородный товарищ, действовали благотворно на закошенные сердца почтовых смотрителей, безотговорочно запрягавших лошадей под нашу кибитку. Более тысячи трехсот верст пролетали мимо меня под звон колокольчика, как тяжелый сон, исполненный снежных глыб, тесных станций, неблагообразных смотрителей, грязных гостиниц, мерзлой дородной провизии, шипящих самоваров, стаканов горячего чаю и ухабов без числа, по которым кибитка ныряла шестеро суток, ко вреду боков, плеч и головы лежавшего в ней страдальца, вашего покорного слуги, у которого от толчков все мысли исчезали из головы. Кто не ездил по России летом в почтовой телеге и зимой в кибитке, тот не ведает, какие два способа страшной пытки скрываются в засохшей колее и снеговом ухабе. Одна русская, терпеливостью пропитанная натура в силах перенести колею да ухаб.

Трехдневный отдых в Тульчине подготовил мои силы к дальнейшим дорожным подвигам; и, признаюсь, я был рад отправиться далее. Вид грязного местечка наводил уныние; в доме моего родственника царствовала ненарушимая тишина, стеснявшая врожденную живость моего характера. Его звание, лета и занятия располагали его смотреть на службу с весьма серьезной точки зрения, а я видел в ней тогда одну поэтическую, блестящую сторону. От этого мне становилось неловко, и я урывался на свободу.

Из Тульчина я поехал один с моим денщиком и испытал на первых порах, каково было для армейского прапорщика, предоставленного одному собственному значению, путешествовать по большой столбовой дороге. На первой почте меня продержали около четырех часов. На второй станции смотритель, приняв подорожную с видом человека, понимающего всю силу своего значения, не говоря ни слова, положил ее под низ множества других подорожных.

— Что же, — спросил я, — а лошадей?

— Лошадей! — вскрикнул смотритель, взглянув на меня с видом удивления. — Извольте успокоиться, господин офицер, ваша очередь еще не пришла; можете подождать.

— А долго ли придется ждать?

Смотритель повел только плечами, не удостоив взглянуть на меня: мой вопрос показался ему нескромным в высшей степени.

Готовый вспылить, я опомнился вовремя: бесполезно было противиться определению рока, произнесенному устами почтового диктатора, приходилось со смирением преклонить голову, но куда? Я оглянулся: в единственной комнате стулья, скамьи и диван были заняты проезжими

офицерами и чиновниками военного ведомства; одни спали, другие тянули дым из длинных черешневых чубуков или допивали чай; в углу бурлил нечищенный самовар, чайник, стаканы, жестянка с сахаром стояли на смотрительском столе, покрытом черною клеенкой, возле жалобной книги и кипы подорожных, в которой потонула и моя надежда на отъезд. Некуда сесть, некуда приклонить головы.

— Прикажете чаю? — спросил через несколько минут смотритель менее суровым тоном.

— Не хочу.

— Так не заблагорассудите ли отдохнуть? Здесь, как видите, нет места; да не угодно ли закусить: корчма возле, у Моисея Соломоныча, все есть.

И я отправился в жидовскую корчму искать места, где бы прилечь. Корчма была также наполнена проезжими, выжившими лошадей, тут красовались мундиры всех оружий, сутились и кричали грязные жидаы и жидовки, дымился чай, звенели стаканы и стучали ножи и вилки; запах водки, капусты и соленой рыбы, с примесью других трудно определяемых зловоний, наполнял влажно-теплую атмосферу. Отыскав свободный уголок, я сел на скамью, прислонив голову к потеющей стене, и старался заснуть. После нескольких часов беспокойной дремоты голод заставил меня очнуться. Недешево обошлись мне ломоть булки, тарелка борща и рюмка водки, подкрашенной жженым сахаром, за что ей было присвоено название рома. Потом я пошел на станцию снова попытать счастье: лошадей для меня еще не имелось. Между тем звон колокольчика редко умолкал. С подъезжавших к станции телег и бричек раздавалось грозным голосом: «Лошадей!» И на этот крик выбегал смотритель, подобо-

страстно принимал подорожную, а ямщики с шумом и суетой запрягали лошадей, и сидевшие в них счастливые, фельдъегеря, адъютанты, комиссионеры, мчались дальше. Они ехали на курьерских. Глядя на них, меня стала разбирать досада, разразившаяся под конец потоком брани и угроз. Это не подвинуло моего дела ни на шаг. Смотритель, человек закаленный на своем посту, грудью встречал не такие бури, и в этот раз он попросил меня только успокоиться, показав притом на ряд объявлений почтового департамента, висевших на стене в черных рамках за стеклом. В этих объявлениях определялись бесчисленным множеством параграфов редко кем исполняемые правила, которым следовало подчиняться путешествующим и смотрителям; не знаю, в каком смысле проезжие объясняли себе сказанные параграфы, между тем как я дознал собственным опытом, что в понятиях смотрителей весь почтовый порядок ограничивался одним пунктом, по которому они, в случае обиды, пользовались правами четырнадцатого класса. Поневоле успокоившись вследствие сознания своего бессилия перед лицом станичного диктатора, я отправился в корчму ночевать на первой порожней лавке. Таким образом я прождал более суток и был душевно рад, когда меня повезли со станции на лошадях, передвигавших ноги с видимым усилием. Шагом дотащились мы до следующей почты; признаться, сама дорога не позволяла ехать скорее, если не имелось в виду совершенно загнать несчастных лошадей. По мере удаления от севера снег исчезал, а грязь увеличивалась. За Тульчином лошади и экипажи буквально утопали в грязи.

Подобного рода сцены повторялись на каждой почтовой станции. Везде приходилось ждать, потому что действитель-

но не было лошадей, или потому что зритель считал полезным для общего блага отказывать в них прапорщику, на случай проезда более важного лица. На одной станции меня продержали гораздо долее суток, и, право, не знаю, сколько времени я прождал бы еще, если бы проезжий генерал, которому я поверил свое горе, не приказал заложить мне лошадей на своих глазах. В Балту я приехал на четвертые сутки, сделав от Тульчина не более ста верст. Отчаяние меня брало, потому что я не предвидел конца моему путешествию; между тем деньги исчезали из кошелька, урываемые жидовским пронырством, подстерегавшим неопытных молодых людей, спешивших в армию.

В Балте я был принужден остановиться для получения из комиссариатской комиссии прогонных денег, выданных мне в Петербурге до этого пункта. И здесь меня снабдили деньгами не далее Ясс, под предлогом неизвестности, где находится мой полк; для молодого офицера, следующего к месту службы, ничего не может быть разорительнее этих обязательных остановок, приправленных необходимыми представлениями, явлениями и неизбежными проволочками дела в комиссиях. Без особого покровительства не помогали в этом случае ни просьбы, ни убеждения; а право протеста против медленности комиссариатского делопроизводства не существовало для офицеров скромного армейского чина. Заняв в Балте, знаменитой в целой России своею непроходимой грязью, столько же дорогую, сколько грязную квартиру на жидовском постоялом дворе, я попал в омут обирания. В ожидании выдачи мне прогонных денег я проживался и не знаю, как бы выпутался из этого неприятного положения, если бы судьба не привела на мой по-